

УДК 159.9:34.01

DOI: 10.34670/AR.2022.43.48.003

Справедливость как социальный конструкт в правосудии**Пичугин Виталий Григорьевич**

Кандидат психологических наук,
доцент департамента психологии и развития человеческого капитала,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 49;
e-mail: left@lsn.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы понимания справедливости в правосудии с учетом развития общества в разные исторические эпохи, а также изменение образа справедливости как конструкта социальной реальности. Проблема в своей актуальности представляет интерес для нескольких областей научных знаний, поэтому для ее рассмотрения предложен междисциплинарный подход. Цель исследования – выявление и анализ сущностных характеристик образа справедливости как социального конструкта в правосудии. На основе анализа концепции справедливости в правосудии, образа справедливости и правосудия в статье обосновываются выводы о социальной природе справедливости, ее соотношении с правосудием, зависимости конструкта справедливости от исторического, социального, культурного, экономического развития общества. Современный конструкт справедливости в правосудии представлен множественностью, противоречивостью образов, и, соответственно, разным отражением в индивидуальном и общественном сознании. Выявлена проблема хаотизации изменений конструкта справедливости в правосудии, что требует дальнейших исследований на предмет возможности и необходимости целенаправленного влияния на этот процесс в условиях экономической и социальной нестабильности в обществе.

Для цитирования в научных исследованиях

Пичугин В.Г. Справедливость как социальный конструкт в правосудии // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 1А. С. 29-36. DOI: 10.34670/AR.2022.43.48.003

Ключевые слова

Справедливость, конструкт справедливости, правосудие, социум, право, несправедливость.

Введение

Справедливость как понятие используется в философии, праве, политике, психологии, социологии, экономике с акцентированием внимания исследований на предметной области научного знания. Понятие «справедливость» также пронизывает всю социальную жизнь и отражается смыслоопределяющим фактором в литературе, театре, кино, где за справедливость борются, ее отстаивают, за нее терпят лишения, ради нее совершают подвиги и преступления. Таким образом, феномен справедливости с древних времен и по настоящее время занимает важнейшее место в системе общественных отношений, являя собой сложное и многосоставное понятие, проявляющееся во всем многообразии форм социальной действительности. Это закономерно вызывает интерес исследователей, представляющих различные области научных знаний.

Основная часть

Обращение к справедливости актуализируется каждый раз, когда что-то происходит вопреки закону, правилу, обычаю, установлению, представлению о должном, что квалифицируется или воспринимается как несправедливость, которая обладает силой, властью, свободой. Платон в произведении «Государство» приводит мысли Фрасимаха: «...достаточно полная несправедливость сильнее справедливости, в ней больше силы, свободы и властности, а справедливость... это то, что пригодно сильнейшему, несправедливость же целесообразна и пригодна сама по себе» [Платон, 1994, 83]. Фрасимах усматривал в несправедливости выгоду, которая позволяет несправедливому человеку жить лучше, чем справедливому. Несправедливость как неотъемлемая часть жизни детерминирует поиск справедливости во взаимном договоре, в написании законов. Желая справедливости, люди предполагают наличие несправедливости, которую необходимо преодолеть – когда договоренностью и выработкой правил, когда войной. С развитием цивилизации орудия умерщвления людьми друг друга становятся настолько совершенными, что война и насилие как средство установления справедливости отходят на второй план. Появляются право и закон, которые призваны обеспечивать справедливость, не прибегая сразу к привычным насильственным методам как в отношениях между государствами, так и внутри. И. Кант в «Критике чистого разума» приводит слова Т. Гоббса: «...естественное состояние есть состояние несправедливости и насилия, и совершенно необходимо покинуть его, чтобы подчиниться силе закона, который единственно ограничивает нашу свободу» [Кант, 1998, 748]. С помощью закона и правосудия должна устанавливаться справедливость. Более того, появляется концепция, провозглашающая, что только правосудие и есть справедливость. В противоположность ей приводятся доводы о невозможности справедливого правосудия. Между двумя этими крайностями рассматривается множество вариантов пересечения правосудия и справедливости – или их соотношения как целого и части. Причем ввиду сложности и актуальности проблемы для ее рассмотрения невозможно обращаться к какой-либо одной области знаний, например только юриспруденции, философии или психологии. Большинство современных исследователей используют междисциплинарный подход для формулировки своей позиции по изучаемому вопросу. Это обосновано еще и тем обстоятельством, что категория «справедливость» изначально относится к этике, но широко представлена в правоведении как категория и принцип права. Для рассмотрения вопроса соотношения конструкта справедливости и правосудия в социуме

необходимо также учесть исторический контекст появления и развития правосудия, понимания справедливости в разные исторические эпохи.

Справедливость до появления правосудия

В человеческом обществе законы, суд и правосудие появились не сразу. Если основываться на археологической периодизации развития цивилизации, то в период раннего и среднего каменного века первобытные люди изготавливали и применяли орудия охоты, что уже требовало значительных навыков совместной деятельности. Первобытная община в любом случае могла существовать только при наличии определенных правил, иначе люди просто не выжили бы в конкуренции с другими племенами и внутри общины. Правила появляются не только из-за объективной необходимости, но и при формировании (конструировании) представлений о том, как быть должно, как правильно. Эпоха мезолита (13–8 тыс. лет назад) характеризуется появлением общих норм и правил поведения. Это закономерно сопровождается определенными запретами и предписаниями, которые потом станут частью традиций, религий, табу. За нарушение принятых в племени норм применяются различные формы насилия: принуждение к исполнению либо кара за отказ выполнять установленные нормы и правила. Территория, занимаемая племенем, воспринималась как его собственность, а право принадлежности обеспечивалось возможностью силой противостоять захватчикам. Справедливость как соответствие определенным представлениям о должном устанавливается силой и ею же обеспечивается. Не право, а обычай определял владение, пользование и распоряжение собственностью. Например, внутри племени могло быть распределение деятельности по добыче еды. Часть людей занималась рыбной ловлей, поэтому они естественным образом владели лодкой. Другая часть охотилась на животных — им могли принадлежать различные орудия и приспособления для охоты. Справедливым считалось владение собственностью в соответствии с рационально сложившимися естественными отношениями в процессе выполнения людьми функций по жизнеобеспечению племени. «Естественное право» следовало представлениям о справедливом накоплении и распределении общественной собственности, которое носило равнообеспечивающий характер. Справедливость «вершил» либо признанный общиной старейший, самый уважаемый член общины, либо совет значимых людей, например опытных охотников. Всеобщая распределительная справедливость одновременно порождала несправедливость ввиду субъективного восприятия людьми своего вклада в накопление ресурсов. Несправедливо получать одинаковое количество ресурсов тому, кто охотится, рискует жизнью для получения пропитания для всего племени, и тем, кто этого не делает. При устранении этой несправедливости появляются «богатые» и «бедные». Это порождает конфликты, вызванные столкновением интересов, отстаиваемых под флагом справедливости с привлечением когда авторитета старейшины, когда — физической силы. Справедливость представляется формой выражения и защиты своих интересов (субъективной правды). Это позволяет удовлетворять возрастающие потребности, отстаивать точку зрения по различным вопросам с целью получения ресурсов и выгоды. Задолго до появления правосудия существовали нормы и правила, вырабатывавшиеся ввиду насущной необходимости на основе субъективных представлений о справедливости в определенном первобытном сообществе.

Уже в Древней Греции появляются попытки объективизации справедливости. В сочинении «О природе» Гераклит рассуждает о «всеобщем Логосе» [Дынник, 1955, 13] как о проявлении

первого начала Природы. Логос – основа, являющаяся причиной порядка, равновесия, гармонии и разумности в течении бытия. Все происходящее в мире – это проявление Логоса, закономерности, справедливости. По Гераклиту справедливость — нечто существующее до закона. Ш. Л. Монтескье также полагал, что положительный закон подразумевает объективный характер справедливости и справедливых отношений, а сама справедливость «предшествует установившему... положительному закону, а не впервые им создается» [Монтескье, 1955, 164]. То есть по Ш.Л. Монтескье появлению закона и правосудия должна предшествовать возможность справедливых отношений.

Закон и правосудие являются средствами осуществления справедливости как начала устанавливаемых в социуме отношений. Но без закона и правосудия справедливость лишена конкретных очертаний и форм, а также обязательности и нормативности. Всеобщее равенство и свобода могут отождествляться по своей сути со справедливостью, но не субъективно понимаемой, а объективированной, формально выраженной в правовом виде.

Правосудие как справедливость

Правосудие осуществляется на основании права, которое, например, в либертарной теории отождествляется с всеобщей справедливостью. По мнению В.С. Нерсисянца, справедливость входит в понятие права: «...право по определению справедливо, а справедливость — внутреннее свойство и качество права, категория и характеристика правовая, а не внеправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т. д.). Более того, только право и справедливо. Ведь справедливость потому, собственно, и справедлива, что воплощает собой и выражает общезначимую правильность, а это в своем рационализированном виде означает всеобщую правомерность, т. е. существо и начало права, смысл правового принципа всеобщего равенства и свободы» [Нерсисянец, 1997, 37]. Другими словами, нужно предположить, что не было никакой справедливости до появления права и правосудия. Это позиция абсолютизации права как исключительно обладающего «внутренним свойством и качеством» справедливости. Такая позиция отчасти может иметь место, поскольку никакой суд не справедлив, пока действует не на основе права и учета прав других людей, а исключительно по личному разумению. Это перекликается с пониманием данной проблемы И. Кантом, который полагал, что обязанности по долгу и справедливости покоятся на всеобщем законе права, что в мире нет ничего более святого, чем право других людей [Кант, 1988, 306]. То, что правомерно, то и справедливо. Об этом пишет В.С. Нерсисянец, развивая кантовский подход: «...действовать справедливо – значит поступать правомерно, в соответствии со всеобщими требованиями права» [Нерсисянец, 1997, 30]. В.А. Четвернин в рамках либертарной теории права предлагает дихотомию в виде потестарного и либертарного понимания правового, где справедливость возможна лишь при условии принятия постулата самопринадлежности индивида, без которого невозможна свобода [Четвернин, 2013]. Критерием правового является формальное равенство. Это теоретически допустимо, но надо учитывать, что фактически все люди разные по множеству параметров. По мнению В.А. Четвернина, только самопринадлежность уравнивает всех людей по факту признания права на себя и невозможности использования человека без его согласия: иное несправедливо и делает людей несвободными. В сферу права идея самопринадлежности проникла из рассуждений Д. Локка, который сформулировал ее следующим образом: «...каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав» [Локк, 1988, 277]. Как

онтологическая концепция идея самопринадлежности сформулирована М. Ротбардом. В его интерпретации «обладание собой» является особым способом бытия человека, позволяет управлять сознанием и телом, становиться через это свободным человеком. «Конкретный человек, изучая с помощью интроспекции факт собственного сознания, также обнаруживает первичный и естественный факт свободы, своей свободы выбирать, своей свободы использовать либо не использовать свой разум применительно к любому данному предмету. Иначе говоря, естественный факт “свободной воли”. Он также обнаруживает естественный факт руководства своего ума над телом и его действиями: то есть естественную собственность на самого себя» [Rothbard, 1998, 31]. Человек свободен, пока он имеет право (и возможность) контролировать свое тело и разум. Вмешательство же внешней силы есть покушение на свободу и причина несправедливости. Соответственно, самопринадлежность не подразумевает любого отчуждения прав, имущества, ресурсов без согласия человека, если он произвел их самостоятельно. Практически любое государство именно этим и занимается: принудительно взимает налоги, устанавливает иные обязательные платежи. Против этого возражает яркий представитель либертарианства Р. Нозик, указывая на несправедливость такого положения дел. Он считает это разновидностью принудительного труда [Нозик, 2008].

Свобода в социуме обеспечивается признанием людьми друг друга свободными, принадлежащими самим себе. Одновременно они должны договориться о правилах (нормах) социальной жизни, в которых закреплен запрет на агрессивное насилие. Это должно определять правовой (справедливый в понимании либертарного подхода) порядок социального взаимодействия. Некоторая романтизация такого подхода основана на вере в возможность достижения всеобщей справедливости путем выработки договоренности всех со всеми во благо всего общества на основе формального равенства свободных людей. Считается, что только такая договоренность будет образовывать правовой порядок. До провозглашения свободы, равенства, справедливости исключительно сущностью права в либертарном подходе, отдельной от нравственности как универсальной категории, нравственность рассматривалась как основание и разумное начало права, то есть то, что существовало до возникновения права и правосудия. С другой стороны, категории нравственности, в том числе справедливость, должны находить (и находят) свое выражение через правовые средства. Это также делает их самостоятельными правовыми ценностями.

Образ справедливости в правосудии

Символичность и знаковость формируют образ справедливости в правосудии. Это закрепляется в общественном и индивидуальном сознании людей в процессе социализации с учетом определенных культурных особенностей того или иного общества. Языковая, социальная, культурно-историческая обусловленность построения образа справедливости создает множественность символов, имеющих как общее, так и субъективно-личностное значение. Общепризнанный и узнаваемый практически во всех странах мира образ правосудия и справедливости – древнегреческая богиня Фемида. Сначала в силу сложившейся мифологии ее изображали без повязки на глазах и с рогом изобилия в руках. Потом появились символы, которые должны олицетворять справедливость и правосудие. Весы – символ меры и справедливости – изображались то в правой, то в левой руке. Левая характеризовала восприимчивость и свидетельствовала, что справедливость «ближе к сердцу». Сейчас чаще изображают Фемиду, держащую весы в правой руке. Это символизирует рациональность,

рассудочность в принятии решений. Регулярным изменениям подвергался меч. Сначала он был поднят вверх как символ возмездия и высшей справедливости. Потом меч опустился вниз, поскольку справедливость (весы) важнее наказания (меча). Повязка на глазах – символ беспристрастности: правосудие должно быть «слепо», воздавать всем и каждому по закону и справедливости (лат. *Justitia omnibus*). Новый образ Фемиды представлен в виде статуи у здания Верховного суда РФ. Фемида лишилась маски на глазах, а вместо меча появился щит. Конструирование значений изменений образа, в зависимости от субъективного восприятия индивида, предполагает широкий набор суждений: от утраты правосудием беспристрастности и способности карать виновных до «всевидающего ока» правосудия и защиты граждан от произвола. Образ справедливости в правосудии как классификационно-оценочный шаблон имеет противоречивую коннотацию в индивидуальном и общественном сознании. Восприятие справедливости опосредовано как личным опытом конкретного человека, так и сложившимися представлениями в социуме, основанными на отражении фактов исторического развития. Поэтому, например, образ справедливости в правосудии конкретного индивида может быть множественным, совпадающим или отличным от принятого в определенном социуме. Справедливость как социальное явление конструируется человеком в тесном контакте со своим ближайшим окружением, которое непосредственно влияет на картину мира индивида: мы конструируем мир не индивидуально в своем сознании, а совместно – в разговорах, соглашениях, социальных практиках [Улановский, 2004]. Отсюда происходит внутригрупповое согласование образа справедливости, характерное для определенных социальных, профессиональных, научных, религиозных и других групп. Например, осужденные имеют свое представление о справедливости в правосудии, которое может отличаться от такового у судейского или адвокатского профессионального сообщества. Схожие переживания, суждения, верования, мнения относительно образа справедливости создают «разделяемую реальность» [Echterhoff, 2018]. Поэтому в социуме нет единого, принимаемого всеми образа справедливости в правосудии. Личное представление согласовывается, проверяется на правильность («а еще кто-то так считает?») с другими людьми – как правило, это референтная группа из ближайшего окружения, что позволяет находить подтверждение обоснованности собственного суждения индивида. При всем разнообразии сформированных образов справедливость возможна при наличии веры в ее существование. Мелвин Лернер рассматривает такую веру как социальный конструкт, своего рода «договор» с миром, в котором действия (или бездействие) предсказуемо вознаграждаются или наказываются по справедливости [Lerner, 1980]. Верить в наличие справедливости в мире – значит поддерживать ощущение благополучия даже тогда, когда нет видимой причины для страдания или наказания, но несправедливость осуществляется. Необходимо дать этому факту объяснение (рациональное или иррациональное), чтобы не потерять веру в справедливость. Правосудие как механизм восстановления или поддержания справедливости помогает людям сохранять переживание справедливости и упорядоченности мира. В этом переживании образ правосудия сливается с образом справедливости, представляя собой тождество. Может быть, поэтому Фемида олицетворяет и то и другое одновременно.

Заключение

Справедливость – социальный феномен. Она зародилась до появления правосудия. Более того, возможно, правосудие – даже в зачаточном состоянии – возникло как средство установления справедливости. Представления о должном, правильном формировались как

объективная необходимость справедливого распределения благ и ресурсов – в соответствии с пониманием справедливости в определенную историческую эпоху. Без формализованных социальных институтов, таких как правосудие (основанное на законе), справедливость остается динамичным конструктом, лишенным определенных очертаний и форм, обязательности и нормативности. Объективирование и формальное выражение справедливости в правовом поле демонстрирует стремление людей к всеобщему равенству и свободе через установление социально-правового механизма регулирования общественных отношений. Справедливость как ценность имеет самостоятельное значение с момента возникновения групповой деятельности первых племен на земле. Но, будучи выражена через правовые средства, она является и правовой ценностью. Современный конструкт образа справедливости в правосудии характеризуется множественностью, противоречивостью, рассогласованностью на уровне как конкретного индивида, так и общества в целом. Отсутствие хотя бы общего согласованного представления о справедливости обусловлено множеством социально-психологических, экономических, идеологических, политических и других факторов в жизни общества. Поэтому процесс хаотичного изменения социального конструкта справедливости в правосудии под влиянием различных социально-экономических трудностей и других вызовов современности пока остается значимой проблемой. В дальнейшем исследовании следует уделить внимание потенциальным последствиям такого процесса, наличию или отсутствию возможности оказывать на него целенаправленное влияние.

Библиография

1. Дынник М.А. Материалисты древней Греции. М., 1955. 239 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. Минск: Литература, 1998. 959 с.
3. Кант И. Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М.: Политиздат, 1988. 384 с.
4. Локк Д. Два трактата о правлении. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
5. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955. 803 с.
6. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. 647 с.
7. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. 422 с.
8. Платон. Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
9. Улановский А.М. Теория речевых актов и социальный конструкционизм // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 88-98.
10. Четвернин В.А. Институциональная теория права: основные положения // Научные исследования теории права НИУ ВШЭ. 2013. Вып. 13. № 1. URL: <https://teoria-prava.hse.ru/data/2016/10/24/1110737827/Sc13-13-1ChetvInst1.pdf>
11. Echterhoff G. Shared reality: Construct and mechanisms // Current Opinion in Psychology. 2018. 10. Vol. 23. P. 4-6.
12. Lerner M.J. The belief in a just world: A fundamental delusion. New York: Plenum Press, 1980. 209 p.
13. Rothbard M.N. The Ethics of Liberty. New York, London: New York University Press, 1998. 308 p.

Justice as a social construct in law

Vitalii G. Pichugin

PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of Psychology and Human Capital Development,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: left@lsn.ru

Abstract

The article deals with the issue of understanding justice in law, taking the development of society in different historical eras into account, as well as with changing the image of justice as a construct of social reality. The relevant problem is of interest in several areas of scientific knowledge. Therefore, we propose an interdisciplinary approach for its consideration. The purpose of the study is to identify and to analyze the essential characteristics of the image of justice as a social construct in law. Based on the analysis of the concepts of justice in law as well as of the image of justice and law, the article gives reasons for the conclusions about the social nature of justice, its relationship with law, the dependence of the construct of justice on the historical, social, cultural, and economic development of society. The modern construct of justice in law is represented by plurality and inconsistency of images, and, respectively, by different reflections in the individual and public consciousness. The problem of chaotization of changes in the construct of justice in law has been identified. This requires further research of the possibility and necessity of purposeful influence on this process under the conditions of economic and social instability in the society.

For citation

Pichugin V.G. (2022) Spravedlivost' kak sotsial'nyi konstrukt v pravosudii [Justice as a social construct in law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (1A), pp. 29-36. DOI: 10.34670/AR.2022.43.48.003

Keywords

Justice, the construct of justice, justice in law, society, law, injustice.

References

1. Chetvernin V.A. (2013) *Institutsional'naya teoriya prava: osnovnye polozheniya* [Institutional theory of law: main provisions]. *Nauchnye issledovaniya teorii prava NIU VShE* [Scientific research of the theory of law of higher school of economics], 13, 1. Available at: <https://teoria-prava.hse.ru/data/2016/10/24/1110737827/Sc13-13-1ChetvInst1.pdf> [Accessed 12/12/2021]
2. Dynnik M.A. (1955) *Materialisty drevnei Gretsii* [Materialists of ancient Greece]. Moscow.
3. Echterhoff G. (2018) Shared reality: Construct and mechanisms. *Current Opinion in Psychology*, 10, 23, pp. 4-6.
4. Kant I. (2008) *Critique of Pure Reason*. Penguin Classics.
5. Kant I. (1988) *Eticheskaya mysl': Nauchno-publitsisticheskie chteniya* [Ethical Thought: Scientific Publicistic Readings]. Moscow: Politizdat Publ.
6. Lerner M.J. (1980) *The belief in a just world: A fundamental delusion*. New York: Plenum Press.
7. Locke D. (2014) *Two Treatises of Government*. CreateSpace Independent Publishing Platform.
8. Montesquieu C.L. (1955) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow.
9. Nersesyants V.S. (1997) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow.
10. Nozik R. (2008) *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, state and utopia]. Moscow: IRISEN Publ.
11. Plato (1994) *Sobranie sochinenii v 4 t.* [Collected works in 4 vols.]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 3.
12. Rothbard M.N. (1998) *The Ethics of Liberty*. New York, London: New York University Press.
13. Ulanovskii A.M. (2004) *Teoriya rechevykh aktov i sotsial'nyi konstruksionizm* [Theory of speech acts and social constructionism]. *Postneklassicheskaya psikhologiya. Zhurnal konstruksionistskoi psikhologii i narrativnogo podkhoda* [Postnonclassical psychology. Journal of Constructionist Psychology and Narrative Approach], 1, pp. 88-98.